

Маргарита Небольсина

111

Колодец памяти

*Всё в Книгу дней занесено,
В колодец памяти опущено, сокрыто
И замкнуто на крепенький замок...*

Р. Кутуй

9 января 2010 года медленно кружился и падал, и снова поднимался вверх, словно под музыку, слышимую только ему, белый пушистый снег.

Новый фонарь через дорогу, сменивший тот, который в 1954 году проводил в последний путь Салиха Сайдашева, безразличным, запорошенным глазом озирает окрестности.

Вместо голубой лошади на перекрёстке, который называли когда-то «штаны», теснились автомобили разных марок, цветов и классов, обволакиваемые синим дымом из выхлопных труб.

В музее М. Горького прощались с поэтом Рустемом Кутуем.

Как водится, на панихиде было сказано много добрых и тёплых прощаль-

ных слов. Были забыты прежние обиды, распри и недопонимания.

С портрета на всё происходящее с недоумением смотрел Рустем Кутуй.

Неподражаемая Анна Ахматова как-то сказала, что когда человек умирает, губы на его портретах улыбаются другой улыбкой и по-другому глядят глаза.

Глаза на портрете Рустема Кутуя жили своей жизнью.

Правый, широко открытый глаз, смотрел на нас с детским удивлением, не ожидая от нас подвоха: «Чего это вы тут собрались, а?»

Левый казался намного старше и мудрее своего собрата, он всё понял и принял происходящее со смирением.

Маргарита Небольсина (1955) родилась в Казани. Окончила Казанский государственный университет. Публиковалась в журналах «Казань», «Идель». Автор книги повестей и рассказов «Господи, не бросай меня в терновый куст!», кандидатской диссертации «Жизнь и творчество Рустема Кутуя»

Рустем Кутуй никогда и не скрывал противоречивости своей натуры. Непросто он назвал себя стариком с улыбкою младенца и ребёнком с усмешкой старика, у которого старые глаза мальчика, и взгляд оттуда, из детства.

Детство для Рустема Кутуя – время святое и светлое, оно осталось в его памяти как вечное, тёплое и ласковое лето.

В тяжёлые минуты жизни он всегда стремился вернуться туда, прикоснуться хоть на миг своей памятью к детству, припасть уставшей душой к его чистому, живительному роднику, чтобы разобраться в себе тогдашнем и в себе сегодняшнем. Ведь любое воспоминание о детстве – это желание понять себя и осмыслить свою судьбу.

Открывая книги Рустема Кутуя, мы вместе с ним, держась за его крепкую руку с длинными «музыкальными» пальцами, входим в его счастливый и светлый мир детства. Мы узнаём знакомые места: Лядской сад, каток стадиона «Динамо», крутой обрыв к реке Казанке, где когда-то были заливные луга.

Для каждого из нас детство – пора чудес, освещающих путь вперёд. Так сладко хоть иногда в мыслях возвращаться в те времена, где каждая мелочь может казаться чудом, где каждая травинка, букашка, камешек превращаются в целый мир, полный неизведанных тайн и загадок. В сказочное царство, где всё возможно. Где впервые осознаёшь, что ты живёшь. И безгранично удивляешься и радуешься каждому мгновению – всему, что тебя окружает, словно это родилось вместе с тобой:

**В восемь – какой он, мир?
Понятный, как горошина.
Снежком запорошенный,
Окнами замороженный, и пахнет,
Как мороженое...**

Я медленно бреду по Сибирскому тракту, поворачиваю направо к невысокому домику на улице Искра.

Сердце, того и гляди, выпрыгнет из груди от волнения. Задираю кверху голову и нахожу знакомое окно на третьем

этаже. Оно, как всегда, в любое время года, распахнуто настежь, а стёкла его отражают яркий солнечный закат – кажется, что на столе Рустема Кутуя горит лампа под оранжевым абажуром. За стеклом промелькнул белый мужской силуэт... Послышался негромкий глухой кашель... Старчески зашаркав по полу ногами, кто-то подходит к окну... Вот сейчас человек выдохнет дым от сигареты, увидит меня, окликнет...

Нет, показалось – другое окно, другой человек.

Вспоминаю свою самую первую встречу с Рустемом Кутуем. Случилось это в 2003 году, когда он, будучи членом редколлегии журнала «Казань», порекомендовал мою повесть «Не говори любви "прощай"» для публикации в журнале.

Неожиданная поддержка Мастера для меня, начинающего «молодого» прозаика, стала поистине бесценной. А дальше были повести «Бумажные цветы на дне картонной коробки», «Горькие яблоки», «Пусть будет солнце» в журналах «Казань» и «Идель». И, наконец, книга повестей «Господи, не бросай меня в терновый куст!».

Летом 2009 года Рустем Кутуй рекомендовал меня в члены Союза писателей Республики Татарстан...

Вторая встреча с Рустемом Кутуем произошла в марте 2008 года. Тогда я уже полгода ходила в соискателях Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова – темой моего литературного исследования стало творчество Рустема Кутуя. Прочитав помимо его произведений массу отзывов и статей, приуроченных к различным его датам, к встрече с поэтом я подготовилась, как к выпускному экзамену, – осталось позвонить и договориться о встрече.

Неожиданно для меня самой во мне, женщине отнюдь не пионерского возраста, вдруг зародилась девичья робость, и я никак не могла заставить себя набрать заветный телефонный номер. Наконец я расхрабрилась и позвонила Рустему Кутую и, запинаясь от волне-

ния, попросила дать мне одно-единственное интервью. «Приходите», – просто согласился он и продиктовал домашний адрес. Тогда я даже не рассчитывала, что встретимся мы ещё не раз! Но, к сожалению, уже так мало тогда оставалось времени.

Под кутуевские окна я пришла, как восторженная институтка на первое свидание – задолго до назначенного времени. Стараясь быть пунктуальной, ещё минут тридцать нарезала круги вокруг его дома, изредка с тоской поглядывая на замерзающие в руке цветы. Ровно в десять я нажала на кнопку звонка...

Рустем Кутуй радушно распахнул мне дверь, выйдя навстречу, несмотря на перенесённую недавно болезнь, и впустил в дышащую теплом квартиру. После сырого мартовского ветра я, словно, оказалась в раю.

В комнате писателя, куда он меня пригласил, первым делом я с любопытством огляделась. Мне казалось, что писатели такого ранга живут в элитных квартирах с консьержами в подъездах. Я представляла большой кабинет с массивной мебелью, дорогой техникой, огромными картинами в богатых рамах, ПСС с золотыми корешками на полках и пальмой (в крайнем случае, фикусом) в кадке у окна. Но меня поразила более чем скромная обстановка: старенький письменный стол с рукописями, на котором нашлось место и для моего многострадального букета, покрытое пледом кресло, несколько сложенных в стопочку журналов «Казань», раскрытая пачка сигарет... На стенах – несколько картин, подаренных друзьями-художниками. В шкафах – книги, книги, книги – много книг.

Рустем Кутуй с удовольствием затянулся сигаретой и погрузился в прошлое. Поначалу он не касался личных тем – за исключением воспоминаний о своём военном и послевоенном детстве; обходил неудобные для него вопросы; рассуждал о современных проблемах литературы, в частности литературы татарской, и художественного перевода, трудностях издания и реализации

книг, об отсутствии интереса к книге со стороны потенциальных читателей, рассказывал о своей творческой мастерской...

Последующие встречи уже потеряли налёт официальности, стали теплее и откровеннее.

Я начала, наконец-то, писать свою работу, приносить ему свои наброски – Рустем Кутуй терпеливо слушал (в последнее время, особенно после болезни, зрение всё чаще подводило Рустема Адельшевича, и ему проще было слушать). Он подбадривал меня своим хрипловатым от курения голосом, делал замечания, кивал головой, закуривая очередную сигарету.

Последнее время ему очень нездоровилось, это было понятно по его ставшему глуше голосу, длинным, тяжёлым паузам. Не покидало ощущение, что говорит человек, охваченный одиночеством, постепенно теряющий интерес к жизни, к творчеству – ведь в последнее время мир сузился для него до размеров его комнаты, а стихи не писались...

Но, несмотря на это, он, как поводырь, снова и снова вёл меня за собой узкими тропинками памяти в своё детство: «Родился я в роддоме на Красина, около тюрьмы. Наша семья в то время жила во флигеле красного кирпичного дома по улице Комлева, 33 (где сейчас поликлиника КНЦ РАН). Недалеко от нас жил композитор Александр Ключарёв с сыном Эмилом, с которым мы дружим до сих пор. Рядом обитал ещё один друг детства – Вася Аксёнов. На улице Гоголя жила артистка Фатима Ильская, частая гостья в нашем гостеприимном доме...

Хорошая, светлая у нас была квартира, – задумчиво продолжает Рустем Адельшевич свой рассказ, затягиваясь очередной сигаретой, – две комнаты, паркетные полы и печное отопление. Одна комната огромная, с двумя венецианскими окнами из цельного стекла, другая – метров двенадцать – папина рабочая... Моя старшая сестра Гульшат рассказывала, что наша семья жила очень скромно – излишеств никаких.

Обстановка недорогая, из светлого дуба. Украшением комнаты был оранжевый абажур, от неяркого света которого в доме становилось тепло и уютно».

Словно узоры калейдоскопа, собранные из цветных стёклышек, проплывают передо мной картинки его далёкого прошлого: «Во дворе росли тыквы, огурцы, а напротив флигеля был разбит садик, где буйно цвела сирень, бузина, стояли грациозно мальвы. И главное, было осязаемое пространство, где и мяч летал, и терраса звенела, как упруго натянутая струна: такой великолепный был резонанс.

Моя тоскующая память навсегда озвучена аккордеоном, гитарой и саксофоном Эрика Дибая с балкона, и зычной радиолой из распахнутого окна».

С лёгкой улыбкой на лице вспоминал Рустем Кутуй свою бабушку Динэ, которую никак не мог представить молодой девушкой конца XIX века, смутившей своей статью и красотой не одного юношу. Бабушка Рустема была очень одарённой и грамотной женщиной: знала устное народное творчество, сочиняла баиты, песни, читала своим внукам книжки, рассказывала сказки и до самой старости сохранила весёлый нрав и лукавый взгляд.

«У тебя же злости-то нет, доброта одна, – говорила Рустему бабушка Динэ в детстве. – Куда её денешь? Доброта-то она – дорогая, по пылинке собранная».

Мы пили на кухне чай с конфетами, а Рустем Адельшевич рассказывал мне о том, как в музыкальную школу со скрипкой ходил, а мать хотела, чтобы он стал виолончелистом. Спас его от инструмента, который был выше самого музыканта, Н. Жиганов, сумевший отговорить мать.

Ещё он в хоре Дворца пионеров пел вместе с В. Лукьяновым, который впоследствии много лет руководил этим же хором. И они выступали на сцене прославленного Оперного театра, который во время войны строили пленные немцы. Голос Рустема Кутуя был настоль-

ко хорош, что ему прочили карьеру оперного певца. Окружающие звали его «Санта-Лючия»...

«Я стою на краешке сцены и пою. У меня перехватывает дыхание. Я где-то высоко-высоко, на той ноте, какой в жизни не было. Сейчас оборвётся мой голос, но как заманчиво продержаться ещё на звенящем выдохе.

**Брось все заботы, брось все печали.
О, мой Неаполь, светлые дали.
Лодка моя легка, вёсла большие,
Санта-Лючия, Санта-Лючия...**

Голос мой легко спадает вниз и снова взбирается вверх, словно и не я им управляю, а он сам – мной, такая у него власть и колдовство...

В 15 лет к Рустему пришла первая любовь – звали её Аня Гусева.

Эта отчаянная бесстрашная девчонка с косичками, казалось, не лучше и не хуже других, училась в 7-м классе школы № 3 и жила неподалёку, на К. Маркса (рядом с нынешней «Лакомкой»). В школе она была отличницей, бессменным капитаном сборной города Казани по баскетболу, но могла и с мальчишками в кровь подраться, и сдачи дать, и с крыши прыгнуть – её побаивались и уважали за принципиальность и честность окружающие мальчишки, девчонки завидовали её храбрости и компанейскому характеру. А для Рустема тогда лучше Анечки никого не существовало на свете...

О ней он напишет потом рассказ «Первое свидание», и в каждом последующем рассказе о первой любви будут мелькать её черты. Это ей он напишет: «Я ничего не позабыл» в своём единственном посвящении женщине «В день рождения Анны – девочки из мира других измерений».

Десятый класс Рустем Кутуй заканчивал в немецкой школе города Куйбышева (ныне Самара). За это время он прислал Анечке пятьдесят два письма (по одному письму каждую неделю!). В них были рассказы о его новых друзьях, о жизни, учебе и – стихи, стихи, стихи...

Я лучше стать хочу,
 Чтоб быть тебя достойным –
 Твоей любви и нежности твоей,
 Чтоб за меня в глаза
 Взглянуть могла спокойно
 Тому, кто скажет:
 «Он не пара ей...»

Письма Рустема Кутуя могли стать целой книгой его раннего творчества. Но произошла настоящая трагедия. Когда Анна, будучи студенткой КХТИ, уехала на целину, её мать, не любившая Рустема за его слишком весёлый нрав (несерьёзность, как говорила она), уничтожила все письма. Пропали практически все его юношеские стихи, посвящённые Анне, девочке из детства...

Рустем помнил до мелочей каждый день, проведенный с ней. Как держал в своей руке её руку в мокрой, замёрзшей варежке, как махом взлетал по лестнице её дома, как выдал её замуж за своего лучшего друга. Марата...

В свои 73 года Анна Васильевна всё та же Анечка, весёлая хохотушка с голубыми лучистыми глазами. Она бережно хранит воспоминания о Рустеме: это немногочисленные фотографии, рукописи стихов, книги.

Рустем в её памяти остался тем же красивым невысоким пареньком с длинными, как у Вана Клиберна, пальцами, умеющим одной рукой поднять с земли баскетбольный мяч...

Несмотря на свою известность и популярность, Рустем Кутуй в душе всегда оставался одиноким маленьким мальчиком, стоящим посреди заснеженного двора.

Всё чаще своими мыслями он уходил в послевоенное детство, тревожился одним и тем же чёрно-белым, как любительская фотография тех лет, зябким сном: «Вечер, падает снег... Двор деревянный, огоньки в окошках... Я – в ушанке и шитой-перешитой шубейке из собачьего меха, в которой когда-то щеголял отец... Стою я один перед сугробом с деревянной лопаткой, которую долго потом хранил, пока не потерял в переездах, – хочу добраться до дна сугроба и оказаться на другом краю зем-

ли.... Отец – на войне, дома – мать, сёстры... А я – один... самого себя жалко! Я уже тогда понимал, что пройдёт много времени – меня не будет, а снег так же будет падать и другой мальчик с другой лопаткой так же будет стоять один...».

В последние годы Рустема Кутуя мало что радовало в жизни.

Трагическая гибель его единственного сына Аделя в 2007 году сильно подкосила Кутуя. Он очень страдал, но не показывал виду. За всю свою жизнь Рустем Адельшевич привык тихо думать о своих удачах и неудачах и не выносить своё горе и разочарование на люди, зная, что кого-то это порадует, а кого-то просто не заинтересует: «Это же моя кровь, а кровь течёт невидимо даже в гневе».

При наших последних встречах и телефонных разговорах Рустем Кутуй прямо говорил, что его жизнь на исходе, жить ему больше незачем и когда Бог захочет его забрать, он примет это смиренно.

Старшая сестра Гульшат с грустью рассказывает, что на её самый обычный вопрос: «Что ты делаешь?» Рустем Кутуй с готовностью отвечал: «Жду смерти».

Печальные разговоры и размышления о скоротечности жизни были вызваны ещё и тем, что в течение нескольких лет ушли его близкие друзья Алмаз Бикчентаев, Булат Галеев, Василий Аксёнов...

Особенно тяжело переживал Кутуй смерть своего близкого друга, Виля Салаховича Мустафина, который скончался 17 сентября 2009 года.

С уходом близких теряется что-то в жизни, словно обрываются корни, которые держат нас на земле. Корни обрываются, и человек падает...

Уже давно Рустем Кутуй никому не был нужен. Уже давно никто из тех, кто называл его своим Учителем, кому он помог стать профессионалом, не звонил и не вспоминал о нём.

Многолетнее непонимание, амбиции, взаимно взлелеянные обиды, вы-

нашиваемые в сердцах, разрушили отношения с близкими людьми.

Рустем Кутуй тихо угасал в одиночестве. Здоровье совсем ослабло. У него нарушилась координация движений, стали плохо ходить ноги, и он часто падал и больно ушибался, поэтому мало двигался. Он всё больше времени проводил в своей маленькой, тесной комнатке, сидя в любимом кресле.

Р. Кутуй давно уже ничего не писал, потому что почти ничего не видел. Он потерял вкус к жизни. А когда желание жить кончилось, умерла его поэзия.

Александр Блок незадолго до своей смерти в июне 1921 года сказал: «Поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем». Нечем и незачем.

Рустем Кутуй предчувствовал свою смерть и просто спокойно ждал её, уйдя в себя, в свой мир, в свои воспоминания. И хотя у него была жуткая депрессия, до последней минуты он не терял чувства юмора.

Он снова стал маленьким мальчиком-подранком из своего детства, у которого больше не было сил катить снежный ком...

Мысленно прощаюсь с кутуевским домом, с тополями, окружившими его и навсегда спрятавшими от постороннего взгляда тайны жизни и творчества Рустема Кутуя.

А на улице идёт снег... Белый снег, образ которого озаряет чистотой, светом и правдивостью то, что осталось после него, – его стихи, его рассказы, его повести.

Геннадий Паушкин в 1996 году написал о творчестве Рустема Кутуя:

«В Коране сказано: чтобы обессмертить своё имя, надо посадить дерево или написать книгу.

Рустем Кутуй написал книгу.

А настоящая литература, как известно, изъята из законов тлена.

Она одна не признаёт смерти. У Рустема Кутуя она настоящая».

В последнее время Рустем Кутуй много мечтал...

Мечтал о том, как появятся на книжных прилавках его детские книжки, красивые, с яркими рисунками, которым «плохо оттого, что они не видят людей».

Мечтал о том, что наступит такое время, когда хорошая книга станет цениться и снова вернётся к читателю.

Мечтал об издании своего двухтомника «Белое пламя лунного тополя».

Хочется, чтобы эта мечта хотя бы и с опозданием, но исполнилась.

Чтобы его книга нашла своего читателя.

Ведь его книга – она настоящая.